

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

КИДАЛА

ЭКСМО

Сергей Иванович Зверев

Кидала

Серия «Я – вор в законе»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5314557
Сергей Зверев. Кидала: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63608-2

Аннотация

Вокруг наследства чемпиона мира по боксу Виктора Малькова разыгрались нешуточные страсти. Частный детектив Андрей Мартынов по заданию одного из иностранных банков должен был найти сына Малькова и передать ему деньги отца. Но детектив задание не выполнил. Он «кинул» заказчиков: опустошил счет чемпиона и бежал в Америку с полным чемоданом наличности. Убегая, Мартынов сорвал еще один куш – увел у ямайских наркоторговцев кокаина на два миллиона долларов. И в результате нажил себе двух заклятых врагов: банкира Малкольма и наркобарона Джексона. Малкольм и Джексон в бешенстве, они решили объединиться и жестоко наказать зарвавшегося детектива...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	36
Глава 3	42
Глава 4	59
Глава 5	69
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сергей Зверев

Кидала

Пролог

– Мистер Малкольм, объект у меня в прицеле. Он только что вышел из гостиницы «Хилтон» и сейчас направляется к парковке. Кажется, к черному «Форд Мустанг» девяносто восьмого года.

Стив Малкольм почесал большим пальцем висок и строил мину, по которой решительно невозможно было понять, рад он этому или нет. Наконец разумное начало взяло верх над желанием закончить эту историю сразу и навсегда.

На линии громкоговорящей связи ждал его распоряжений снайпер. Президент «Хэммет Старс» покачал головой и с сожалением выдавил:

– Нет, не сейчас... Отбой, Гарольд. Снимайся и жди распоряжений.

Отключив связь, Малкольм взъерошил волосы и почувствовал приближение ярости. Но очень скоро он, как человек, обладающий силой воли, начал размышлять спокойнее... Если Эндрю Мартенсон, зная, что за любым углом в Нью-Йорке его ждут пуля или нож, спокойно выходит из гостиницы и садится в машину, значит, у него есть все основа-

ния полагать, что я не настолько глуп, чтобы отдавать приказ на его устранение. Это сигнал мне, сигнал... Мол, не торопись, босс, мне есть что тебе сказать.

И Малкольм похвалил себя за ясность ума и трезвость суждений.

Сейчас он сядет в кресло и будет ждать. Куда ему торопиться в конце шестого десятка?

Нью-Йорк... Город надежд и разочарований... Он и звучит при произношении так, словно состоит из одних ударений. Здесь рождаются на свет и проворачиваются в гигантской финансовой машине миллиарды долларов. Поражает своим величием красок Музей Гугенхейма, именно тут расположена самая главная финансовая улица всех городов и весей планеты – Уолл-стрит, и именно этот город избрала для своей атаки свора отморожков, похоронив под руинами World Trading Center 2749 человек. Именно столько людей здесь находилось в 8.46 по нью-йоркскому времени 11 сентября 2001 года, именно здесь, спасая погибавших, погибли 343 пожарных и 60 полицейских.

Подобный ужас Нью-Йорк испытал лишь весной 1911 года, когда случился крупнейший пожар на трикотажной фабрике Triangle Shirtwaist Company. 146 женщин погибли, сотни выбросились из окон восьмого и седьмого этажей (на фабрике работало 500 женщин, в основном еврейские иммигранты). Впоследствии оказалось, что владелец фабрики

закрыл двери, чтобы никто не покидал работу раньше положенного времени. После этого трагического случая начались реформы трудового законодательства, которые теперь считаются самыми демократичными в мире... Здесь, на Уолл-стрит, кипят страсти на NASDAQ, самой известной бирже мира. Здесь, вообще, много чего происходит и случается. Этот район Нью-Йорка, по которому гнал взятый напрокат «Форд» гражданин США Эндрю Мартенсон, знает весь мир...

Он возвратился в этот город спустя всего несколько месяцев, но ему казалось, что он здесь впервые. Каждую минуту он наблюдал за появлением зданий и людей, встречавшихся ему ранее. Он точно знал, что сейчас пересечет Avenue of Americas и на противоположной его движению стороне увидит старика негра лет шестидесяти на вид, одетого в старое драповое пальто, с бейсбольной кепкой на курчавой седой голове и с неизменным New York Thelegraph в кармане. Газета будет, конечно, за вчерашнее число, и Мартынов, притормозив, протянет ему доллар, получив в ответ неизменное: «O'key, brother Andrey». Это Andrey всегда получалось у него смешно и всегда с трудом.

Он узнавал в этом городе каждую улицу, каждый дом, но поездка на родину превратила эти знания в фантастический мираж, путавший сознание Мартынова.

Этого не случилось бы, не отправься он по заданию бос-

са, Стива Малкольма, на поиски сына известного советского боксера Виктора Малькова. Где-то там, в российской глубинке, затерялся призрак из 70-х, наследник десяти миллионов долларов, как часть большого плана Малкольма и Малькова-старшего. И этот план следовало переписать набело и объявить реализованным.

Мартынов должен был найти Артура, передать ему три миллиона долларов и возратить из французского банка семь – для мистера Малкольма. Дельце, не самое мутное из тех, что предлагал Мартынову для выполнения президент «Хэммет Старс». За работу Мартынов должен был получить сто пятьдесят тысяч, и дело бы выгорело, оно обязательно выгорело бы! – если бы Малкольм не решился выступить в глупой роли организатора устранения Мартынова, теперь главного владельца тайны о десяти миллионах.

Пункты плана Стива сначала перепутались, потом из плана вылетели главные составляющие, а после и сам план рухнул, как карточный домик. Стиву Малкольму не нужно было мешать Мартынову... Это была ошибка, error. Боссом поставлено слишком много вопросов...

И теперь он, Мартынов, возвращается в Нью-Йорк для поиска ответов на эти вопросы. Его можно было спросить прямо сейчас, пока он не добрался до 10-й авеню, до офиса «Хэммет Старс»: *Зачем ты следуешь туда, парень, имея на счету те самые десять миллионов, что перевел со счета французского банка на депозитный счет?*

Но спрашивать пришлось бы на английском языке и думать над ответом пришлось бы тоже по-английски, потому что русский человек, особенно тот, кто побывал в России за решеткой, подобных вопросов задавать не станет. *Тот, кто поставил проблему, должен обосновать необходимость ее решения*, – таким может быть ответ на вопрос.

Крутанув руль, Андрей покинул центральную часть Манхэттена.

«А если размышлять проще, то мне просто хочется жить, – подумал он. – Но, как ни глупо это звучит, чтобы получить ордер на жизнь вечером, утром нужно ехать на приготовления к собственным похоронам».

Машину чуть отбросило в сторону – он случайно коснулся колесом бордюра.

«А там работы идут полным ходом, – усмехнулся он про себя, – человек десять рюшами гроб оббивают, не меньше...»

Он неплохо знал этот город и его историю. Сейчас, снова оказавшись в Манхэттене, душе Нью-Йорка, он смотрел из окна машины по сторонам и вспоминал, как пять лет назад появился здесь...

По требованию Флеммера, зятя Малкольма, он посещал тогда уроки английского и начальную школу для эмигрантов, в которой преподавались предметы, которые так необходимы дикарям, приехавшим в процветающий рай. На первом же уроке от учителя Эдвардса, седого негра, работающе-

го в школе в качестве отбывания наказания за сопротивление полицейским в нетрезвом виде, Мартынов узнал, что город правильно называют New York City, официально – City of New York, а в простонародье – Большим яблоком.

– Нью-Йорк является не только одним из самых больших городов США, но и самым важным экономическим, политическим, торгово-финансовым, научным и культурным центром США, – говорил Эдвардс, по лицу которого нетрудно было догадаться, насколько велико его отвращение к русскому, чеху и всем остальным, кому по приговору суда он вынужден объяснять прописные истины.

В Нью-Йорке находятся сотни музеев мирового значения, галерей, театров, благодаря которым Нью-Йорк называют столицей культурного и развлекательного центра западного мира, – говорил мистер Эдвардс, и от него пахло виски. – В настоящий момент в Нью-Йорке проживает свыше восьми миллионов человек. Общая площадь города – 309 квадратных миль...

К 2000 году валовый внутренний продукт большого Нью-Йорка составил 488,8 миллиарда долларов, – говорил ненавидящий Мартынову ниггер, и первый не понимал, зачем второй ему рассказывает эти глупые вещи. Ответ нашелся позже, когда Эдвардс, чувствуя неприязнь русского, хрипло сообщил: – Для сравнения, ВВП во всей России в 2000 году был 433 миллиарда долларов... Нью-Йорк является одним из трех городов мирового значения, два других – Лондон и

Токио. Именно здесь размещен главный офис Организации Объединенных Наций, работающий в Манхэттене с 1951 года...

Мартынов слушал, записывал и запоминал. Ему плевать было и на Эдвардса, и на его виски, и на гуманное американское правосудие, обязывающее учителей за мелкое хулиганство не мести улицы, как в России, а преподавать в школе для таких отбросов общества, как он, Андрей.

Выяснилось, что Нью-Йорк находится в сердце штата Нью-Йорк, в котором проживают более 22 миллионов человек. Город делится на пять районов: Бруклин, Бронкс, Манхэттен, Квинс и Стейтен Айленд, каждый из которых мог бы, в принципе, быть отдельным городом. Особенно Бруклин, с населением в 2,5 миллиона человек...

Вырулив на Fives Avenue, Мартынов невольно улыбнулся. Воспоминания, воспоминания... С этим городом, особенно с главной частью его – Манхэттеном, его связывали самые лучшие моменты. Тут он научился зарабатывать и быть независимым. Во всех остальных районах Большого яблока он выживал и только изучал азы независимости. Причина такого удивительного несоответствия крылась, по-видимому, в том, что большая часть населения города – иммигранты из 180 стран мира. Недаром Нью-Йорк называют Столицей Мира! В 2003 году Нью-Йорк попал в десятку самых безопасных городов США, а тогда, в 2000-м, все было не так безоблачно.

Выбравшись благодаря Флеммеру из подземки и пересев на новенький «Мустанг», Мартынов совершил ошибку, которую совершает каждый, кто начинает передвигаться по городу не под землей, а по его дорогам. Там, в зашарканных вагонах метрополитена, он даже с закрытыми глазами знал, в какую сторону ехать можно, а в какую лучше не следовать ни при каких обстоятельствах. Утомившись от езды в первый же день на первой своей личной машине, Мартынов вдруг с удивлением обнаружил, что катит не по сияющим огнями улицам с домами, крыши которых расположены высоко под облаками, а мимо разукрашенных граффити бетонных стен и завешанных грязным бельем хибар. Через десять минут, попытавшись выяснить, где находится, Мартынов получил от первого встречного бейсбольной битой по ветровому стеклу сияющего лаком «Мустанга», и в этот момент что-то подсказало ему, что звание мастера спорта СССР по боксу в этом районе не сработает. Так Андрей познакомился с местечком Cross Bronx Expressway в Бронксе.

Через час Флеммер, смеясь, скажет ему:

– Ты бы еще в Гарлем заехал и попросил местных гидов показать тебе достопримечательности! Например – в кварталчик Эль-Брио! Там вообще английской речи не услышишь!

Любые знания приходят постепенно, и через месяц Мартынов догадался, почему с лица учителя Эдвардса, когда он рассказывал о гостеприимности Нью-Йорка, не сходила ядо-

витая, как мышьяк, улыбка. Помимо Бронкса и Гарлема в Нью-Йорке есть еще целый список мест, куда без автомата и дюжины телохранителей как в темное, так и в светлое время суток лучше не соваться. Например, Центральный Парк, точнее – северная часть его. Каждый день в этой «зоне отдыха» случаются ограбления, изнасилования и убийства. И по неписаному закону гражданам, не входящим в банды Нью-Йорка, после пяти вечера вход в эту зону заказан.

Уже через полгода проживания в Большом яблоке Мартынов выучил все правила проживания и прочно обосновался в Манхэттене. Жизнь здесь дорого стоила в смысле трат на содержание жилья и услуг, однако здесь гарантировалась сама жизнь, что для Мартынова тогда имело решающее значение...

Сейчас он ехал и смотрел на Манхэттен. Много у него случилось в этом городе... Чего-то и не произошло, но не окажись он в нем, встретил бы он тогда Машу и ее сынишку? Эти двое дорогих людей не выходили у него из головы все то время, когда он пытался убедить себя в необходимости на несколько часов отвлечься, чтобы думать о главном.

Офис, который Мартынов решил посетить в первую очередь своего пребывания на берегах Гудзона, располагался на одной из самых известных улиц города – Tenth Avenue, в западной части Манхэттена. Небоскреб, возвышающийся на ее пересечении с 13-й стрит, был одним из 48 известных нью-йоркских небоскребов. На этой улице – единственный.

Снова вспомнив первого учителя, рассмеялся.

– Запомните, гансы, несколько истин, – говорил алкоголик Эдвардс, называющий всех выходцев из Европы почему-то «гансами», – которые вам необходимо запомнить на первое время! В Нью-Йорке 48 небоскребов, и 16 из них находятся на Avenue of Americas, – это первое. Второе: единственное, что вы когда-либо слышали об Америке – небоскреб Empire State Building, но никогда не видели, имеет 102 этажа, построен в 1931 году за 16 месяцев и имеет в высоту 1252 фута. 381 метр – по-вашему... И, наконец, третье – не спрашивайте в США, что такое «куриные окорочка», fuck you!.. Здесь никто не имеет об этом представления!..

Больше всего из истории Соединенных Штатов учитель Эдвардс не любил временной промежуток с 1919 года по 1932-й. Об эпохе «сухого закона» он рассказывал всегда неохотно и сразу выходил из класса на «one minut», возвращаясь всякий раз повеселевшим и румяным. Этот румянец пробивался сквозь лиловые щеки и свидетельствовал о том, насколько учитель Эдвардс склонен к перемене настроения.

Однако от воспоминаний пришлось оторваться... Андрей Мартынов, он же – Эндрю Мартенсон, вышел из машины и стал подниматься по крутым ступеням к зеркальным дверям, рядом с которыми была пришпилена бронзовая табличка со следами недавней чистки. Солнечные блики не мешали прочитать то, что было на ней выдавлено.

HAMMETT STARS. SPORTS BARGAIN

Часть первая

Глава 1

Генеральная уборка

Его появление на первом этаже тридцатипятиэтажного здания ни у кого не вызвало удивления. Охрана его узнала. А Джордж, детина-негр, коротко кивнув, улыбнулся, как старому знакомому. Как-то раз на Джорджа наехала братва из Queens, и Мартенсон видел, как в Америке отстаивается главный принцип «не лезь на чужую территорию». Если бы в Москву или тот же Новосибирск прибыл отряд отморозков из Твери и без уведомления принялся наводить порядок с местными должниками, он был бы нещадно бит и загнан в долги. Здесь же все выглядело нормально: из Бронкса прибыли люди и стали колбасить негра за то, что тот потянул у кого-то из их знакомых деваху. Били Джорджа в закоулке той самой легендарной 10-й авеню. Мартынов, который сначала был свидетелем дневного разговора охранника с троицей приезжих, а потом заметивший, как охранник уходит после смены домой с трагическим выражением лица, усмехнулся и последовал за ним. Ему почему-то захотелось помочь парню, говорившему ему все время «мистер»...

У самого въезда в порт Джордж остановил свой старенький «Мустанг» и вышел. Мартынов с незажженными фарами подъехал сзади и остановился. Когда началась вся эта ботва и Джорджа стали бить сильно и всерьез, Мартенсон вывалился из машины и не спеша приблизился.

Пару раз пришлось выстрелить: один раз вверх, второй раз под ноги губастому белому, который, если покрасить его в лиловый цвет, невероятно напоминал бы жителя Судана. Джордж был отбит, приедем растолковано, что в следующий раз стрельба будет вестись прицельная и частая. С тех пор Джордж называл Мартынова «мистер Эндрю» и за то время, пока тот шел мимо его огромного стола в холле, успевал рассказать все новости, произошедшие за ночь в здании. Где пробежала крыса, на каком этаже прорвало трубу и сколько Айс выиграл в покер у Картера.

На этот раз Джордж шепнул Мартынову, что месяц назад Малкольм сменил лицо и задницу своей приемной. При этом он знал наверняка, что «мистер» его поймет...

Главный штаб «Хэммет Старс» находился в Лас-Вегасе. Это неудивительно, поскольку именно там проводятся почти все рейтинговые коммерческие боксерские бои. Однако в конце восьмидесятых Нью-Йорк громко заявил о своем праве участвовать в шоу, и несколько лучших боксерских арен города подтвердили свою готовность организовать поединки на уровне Вегаса. После этого умеющий быстро ориентироваться в обстановке Малкольм выкупил пятнадцать послед-

них этажей в доме на пересечении уже упомянутых улиц и быстро освоился с местными порядками. Если бы бои стали проводиться на острове Ньюфаундленд, дом Малкольма стоял бы там, если бы профи долбили друг друга в тюрьме Алькатрас, Малкольм для устройства своего офиса выкупил бы все верхние камеры. Босс Андрея Мартынова никогда не останавливался на достигнутом, он строго следил за изменениями пульса жизни.

В этом доме на пересечении 10-й авеню и 13-й стрит находилось не менее пятнадцати организаций. Дом принадлежал кому-то из членов адвокатской семьи Лоуренсов, и он, не найдя ему лучшего применения, сдал в аренду мелким и средним бизнесменам. Доход ему поступал немалый, меньше, конечно, если бы такой дом стоял на Уолл-стрит, но, по сравнению с тем же Бронксом, арендаторы платили просто сумасшедшие деньги. Дом был отдан в аренду с правом реконструкций, не требующих утверждений в архитектурном комитете. Это здание было возведено перед самой Великой депрессией, когда экономика еще цвела и обещала многого. Потом, когда грянул кризис, Лоуренсы еще кое-как держались на плаву и дом не продавали. И сейчас это здание являлось наглядным примером того, как вдумчивая политика приносит плоды.

На первых двадцати этажах располагались фирмы по торговле недвижимостью, общественный комитет по вопросам нравственности, подрядные строительные организации,

профсоюз докеров, издательство «Новый Амстердам» и еще с десятков организаций, ничем друг с другом не связанных...

Пятнадцать последних этажей занимала та самая контора, куда уже поднимался на лифте старой конструкции Мартенсон. Лифт давно хотели заменить на скоростной, имеющий эпатажный дизайн, но именно Малкольм восстал, заявив, что эта сетчатая кабина и монотонный гул тросов напоминают ему босоное детство, когда он нищим мальчишкой считал за удачу прокатиться в лифте. Мартынов знал, что босса его беззастенчиво лжет. У Малкольма никогда не было босоногого детства. Его предки Мак-Кольмы, перебравшиеся через океан и обустроившиеся в Новом Амстердаме, родом были из Ирландии. Их погнала в столь далекий путь не нужда, а уголовное преследование правительства. Намышковав на родине немалые средства и превратив их в золото и камни, предки «босоногого» Малкольма перевезли их в только что появившееся поселение и с успехом вложили в дело в виде инвестиций. В дальнейшем род президента «Хэммет Старс» не бедствовал, а процветал. В конце XIX столетия самый предприимчивый из Мак-Кольмов сменил фамилию на более благозвучную Малкольм, и нынешний представитель династии с рождения не знал ни голода, ни холода, ни босоногого детства.

Выходя из лифта в просторный холл тридцать третьего этажа, где располагался кабинет Стива Малкольма и где сидела за огромным, как озеро, дубовым столом его секретар-

ша «на доверии» Сондра, Мартынов осмотрелся и быстро оценил обстановку.

Вместо Сондры в кресле ласкала ногти другая, не менее соблазнительная красотка. Значит, Сондры на работе нынче нет. Из охраны Мартынова встретили у лифта двое в форме, в лицо он знал только одного. За те два месяца, что его не было в Нью-Йорке, изменилось многое. Малкольм не любил менять штат без видимых причин, и это тоже подразумевало кое-какие перемены. Андрей готов был поклясться в том, что Малкольм отсутствует, по ряду признаков. Во-первых, двери на этаже были закрыты, чего никогда не наблюдалось, когда босс находился в офисе. Во-вторых, была заперта и его дверь. Малкольм приветствовал американские традиции демократичных отношений между боссом и подчиненными, при которых вторые могут называть первого на «ты» и закидывать ноги на его стол, Мартынов же презирал это и считал лживыми ценностями. Идея открытых дверей в рабочее время, когда подчиненный и начальник могут прийти друг к другу и что-то сказать без препятствий, Андрея забавляла. Он всегда с иронией наблюдал за тем, как вся эта компания, стараясь походить на настоящее американское общество, играет в игру «Мы – самые лучшие в мире». Сначала Андрей полагал, что это, на самом деле, игра. Есть и в России такие коммерческие структуры, где шефом устанавливаются правила, и эти правила неукоснительно соблюдаются средним и низшим звеном. Например, утренние сборы, при

которых все поют гимны в честь процветания компании и хлопают друг друга по плечам. Но потом он сообразил, что ошибался. *Американцы не играют.* Это их ритм жизни, их правила. Которые они считают за образец.

Но сегодня эти правила были нарушены, и Мартенсон понимал, почему.

Малкольма нет. Нет и Флеммера, зятя его блядовитого. Нет никого, кто мог бы повести с ним разговор, при котором обе стороны будут понимать, о чем говорят. Сейчас в офисе находятся люди либо незнакомые ему, либо известные. Но не способные по существу сказать ни слова. Как, например, этот охранник Кеннет, который улыбается ему и делает это искренне. Он даже не знает, что Мартенсону сейчас нельзя не только улыбаться, но и смотреть в его сторону опасно.

– Привет, Эндрю, как дела?

Вот еще одно правило американской игры, которое Эндрю сначала забавляло, а потом стало раздражать. Кеннет, придурок ты искренний и добрый, разве Мартынов скажет, как у него дела? Дела, прямо можно сказать, херовые, но зачем тебе об этом знать? Зачем Мартынову об этом рассказывать? Американцу на этот вопрос нужно отвечать сразу и с ослепительной улыбкой:

– Excellent!

Кеннет согласно кивнул и кивнул напарнику. Который вот только сейчас сообразил, что прибыл свой.

Следуя по мраморному полу холла к озеру, в котором то-

нула секретарша, Мартынов гонял во рту спичку – настоящую, русскую, деревянную! – и размышлял, как правильно задать вопрос. Клон Сондры был, по-видимому, настолько же туп, насколько изощрен в сексе. Иная на берегу этого озера не могла оказаться априори. Малкольм набирал сотрудников, четко формулируя их обязательства и уровень IQ применительно к каждой должности. Охрана: спортсмены, без царя в голове и вредных привычек. Секретари: без царя в голове, склонность к проституции, знание ПК, хроническое тупоумие, масса вредных привычек.

– Здравствуй. – Мартынов посмотрел на место, где должен был крепиться к одежде бейдж, и не увидел его. Бейдж был прикреплен к абажуру настольной лампы, черт побери... Сандра. Так звать новую секретаршу...

Для Мартынова открылся еще один принцип подбора секретарей в офис «Хэммет Старс».

Несмотря на то что ругательство было произнесено на русском, секретарше это не понравилось. Она оторвалась от процесса заточки ногтей пилкой и посмотрела на посетителя так, как смотрят путаны 10-й авеню на вернувшихся из Персидского залива матросов 9-го флота США, требующих минета бесплатно и прямо посреди улицы.

– Мистера Малкольма нет, – сказала она, опустив презрительный взгляд.

– А я разве говорил, что прибыл к Стиву? – усмехнулся Мартынов.

Через пару секунд Сондра, почти Сондра, соизволила оторвать взгляд от кутикулы на указательном пальце. Мартынов не удивился бы, если бы узнал, что сейчас перед ним именно Сондра, но уже после второй пластической операции, сделанной по капризу Малкольма, изменившей форму носа, цвет глаз и размер подбородка. Первой операцией, на которую Сондра пошла без колебаний, было введение имплантов в грудь и увеличение размера губ. Барби гигантских размеров. Оглянувшись, Андрей увидел лицо улыбающегося Кеннета. У всех американцев вдоль носа складки – это от постоянных улыбок по любому случаю.

– Крошка, – улыбаясь той же улыбкой имбецила, Мартынов постучал пальцами по другому берегу озера, – сейчас ты оторвешь свою восхитительную задницу от кресла и проводишь меня в мой кабинет.

В глазах секретарши появилась тревога, но реле соображения включено еще не было.

Обойдя стол, Мартынов выкатил уже не на шутку испуганную Сандру из-за стола, упер в сиденье ее кресла ногу и с силой толкнул вдоль бесконечного коридора. Сондра взвизгнула. Каждый раз, когда ее вращающееся кресло оборачивалось в сторону Кеннета и его напарника, ее безумные глаза спрашивали: «Быть может, вы мне объясните?..» Но кресло стремительно укатывалось все дальше и дальше...

Напарник Кеннета понимающе кивнул, когда Кеннет остановил его за рукав и с бледным лицом что-то зашептал на

ухо. Наверное, он говорил: «Я могу рассказать тебе случай, когда этот сумасшедший русский избил троих охранников на входе, отказавшихся его узнать».

Сандру пришлось подталкивать еще два раза: кабинет Эндрю Мартенсона, советника мистера Малкольма по вопросам внешних связей, находился в конце коридора. Пребывающая в состоянии делирия красотка даже не пыталась встать с кресла, она была шокирована новым для нее обращением и сидела, вцепившись маникюром в сиденье.

– Девочка, я потерял ключ, – сказал Мартынов, прижав руки к карманам пиджака. – У тебя, случайно, нет ключа от моего кабинета? Нет?.. Не успела взять? Кеннет! – даже не глядя в сторону холла, прокричал Мартынов. – Ключ!

Сандра с ужасом наблюдала, как доселе степенный и важный Кеннет несется по коридору с улыбкой на устах.

– Кажется, ты должен позвонить Малкольму и сообщить, что я прибыл, – напомнил, ковыряясь в замочной скважине, Андрей. – Только не говори, что я ошибся, я никогда не ошибаюсь. Тебе было велено сообщить сразу, как Мартенсон появится на 10-й авеню.

Кеннет замялся. Утвердительный кивок подразумевал, что он знает номер телефона, по которому следует звонить. Раз так, Мартенсон вытрясет его в обязательном порядке. Угроза увольнения нависла над послушным охранником, и Мартынов решил прийти на помощь ему, начинающему потеть.

– Мне не нужно знать, какой номер ты наберешь. Просто позвони. А мы тем временем займемся с девочкой приятными делами.

О том, что такое «приятные дела с девочкой», Сандра имела достаточно ясное понимание, а потому ее ужас сменился изумлением, когда кошмарный тип, о существовании которого она не была поставлена в известность, вдруг приказал ей принести ведро воды и тряпку. Соображая, зачем извращенцу при этом нужны ведро с водой и тряпка, секретарша выскочила из его кабинета и помчалась в хозблок. Через несколько минут она появилась на пороге со страхом в глазах и дрожью в коленях. *Он, наверное, хочет иметь секс с уборщицей, пронеслось в ее голове. Он хочет, чтобы я начала мыть пол, а в это время он приблизится сзади... Боже мой, мистер Малкольм должен мне за это приплатить...*

– Приступай, – услышала она подтверждение и, макнув тряпку в ведро, наклонилась.

Кажется, этот кабинет никто не убирал с того момента, как Андрей покинул его два месяца назад. Цветы он не любил, поэтому горшков в его помещении отродясь не бывало, поэтому определить, заходил ли кто к нему хотя бы под предлогом полить фикус, не было возможности. На полках и стеллажах лежала мохнатая пыль, такая же лежала на полу, окна были заперты и шторы задернуты. Раздвинув их, он впустил в кабинет слабый шум проезжающих по 10-й авеню машин, доносящийся снизу, и выдвинул ящики стола.

Казалось, и тут ничего не изменилось.

– Сэр, – услышал он откуда-то сбоку, – вы кто?..

– Мой, красавица, мой. Как закончишь с полом, сбегает за тряпкой и протрешь с мебели пыль. И еще меня раздражает этот аквариум... Неужели нельзя было покормить скалярий? А если они сдохли от голода, то неужели нельзя было их выбросить? Мои скалярии... Здесь вседохнет. Здесь нет ничего, что поддерживало бы жизнь... Что ты стоишь?

Смутные сомнения стали закрадываться в ее душу. Образ извращенца стал меняться на образ сумасшедшего.

– Что ты смотришь, прелесть моя? Что утверждено в параграфе тридцать восьмом инструкции должностным лицам компании? Кто осуществляет функции по контролю за уборщицами «Хэммет Старс»?

Сандра выпрямилась и заметно покраснела. Мысль о сексе с этим человеком из ужасной стала превращаться в интересную. Так с ней еще никто не поступал. С американками так не поступают. Обычно за подобные промахи их штрафуют.

– Я думала...

– Известно, что ты думала, не сообщай мне об этом. Переходить дорогу мистеру Малкольму я собираюсь на другом перекрестке.

Через десять минут кабинет Мартынова сиял чистотой... К окончанию уборки появился Кеннет и сообщил, что ему не удастся дозвониться по указанному адресу. Вместе с этим

он предложил Мартенсону позвонить самому.

Мартынов расхохотался. Малкольма не учит ни время, ни происходящие в нем события. Он прет, как бык, уверенный в том, что поступает правильно. Отсутствие Вайса, которое можно объяснить только его смертью, отсутствие его людей, пытавшихся убрать Мартынова в новосибирской гостинице, ирландского выходца ничему не научили. Он по-прежнему считает Мартынова идиотом, которого можно купить на дешевый трюк. Конечно, Кеннет дозвонился. Конечно, сюда уже мчится, если уже не примчалась и не поднимается на лифте бригада спецов из службы безопасности Малкольма. И, конечно, добрый Кеннет сейчас пытается втюхать Мартынову номер несуществующего телефона. Или тот, по которому в дальнейшем можно будет периодически засекаать местонахождение опасного для «Хэммет Старс» Мартенсона.

– Возьми это зеркало, – приказал, не вставая из кресла, Андрей и кивнул на огромный витраж, висящий в углу кабинета. – Вынеси его в коридор и поставь к стене.

Сандра, увлеченная происходящим, присела на стул у стола странного босса их компании и с интересом наблюдала за тем, как мистер Мартенсон, закинув ноги на стол, руководит действиями охранника. Вскоре ей стало понятно, что тот велит установить витраж таким образом, чтобы, развалясь в кресле, можно было смотреть в стену коридора и видеть то, что происходит в холле у ее стола.

Когда Кеннет убрался, Андрей разглядел девушку. Неве-

роятно стройна, шея чуть тонка, но женщину это никогда не портило. Короткая юбочка, крепкая, большая грудь за полупрозрачным шелком блузки и – лицо правильной формы с выразительными глазами и чуть пухлыми губками, делающими ее похожей на Анджелину Джоли. Малкольм умеет подбирать секретарш.

– Почему ты не уходишь? – без удивления поинтересовался Мартынов. – По моим расчетам, я только что нажил кровного врага. Точно так же три года назад я поступил с твоей сменщицей, и с тех пор она ненавидит меня и в своих несбыточных мечтах каждый день стреляет мне из «кольта» в лицо.

– Я не уйду, потому что до сих пор в шоке. Ваши объяснения логичны, хотя и ужасны, но... Но вы стали катать меня по коридору до того, как поняли, что ваш кабинет не прибран...

Мартынов встал, направился к шкафу и вынул из него что-то очень похожее на огромный огнетушитель. Весу в нем было не менее десяти килограммов, однако вместо распылителя и чеки с одной стороны цилиндра виднелся лишь мощный карабин, а с другой – металлическая петля, закрепленная на тонкой, но, кажется, очень прочной веревке.

– Сандра, – тихо заговорил Мартынов, выглядывая в окно и выискивая что-то под подоконником, – я понял, что кабинет не прибран, потому что знаю всех секретарш, служивших здесь и получавших заработную плату больше, чем нью-

йоркский полицейский.

Найдя то, что искал, Мартынов дотянулся рукой до стального крюка, вбитого в стену и явно не предусмотренного архитектурой здания. Соединив таким образом цилиндр со стеной снаружи, он уложил странное приспособление на подоконник и вернулся в кресло.

– Они заняты лишь реализацией больших фантазий босса компании, поддерживающего свой сексуальный статус использованием штатных сотрудниц не по назначению. Мистер Малкольм чрезвычайно мнителен, ему кажется, что старость начинается непременно с полового бессилия. Он полагает, что длительность жизни напрямую зависит от его способностей удовлетворять женщину. Между тем старость его наступила давно, и первое, что было ею поражено, это мозг мистера Малкольма. Я не слишком сложно изъясняюсь?..

– Я закончила полный курс John Jay College, так что можете продолжать, – невозмутимо парировала собеседница и смахнула челку в сторону. – Кстати, Малкольм еще ни разу не предлагал мне постель.

– Это недоразумение обусловлено двумя причинами. Во-первых, новеньким секретаршам он предлагает место не в постели, а под его рабочим столом. И лишь после того, как убеждается, что нашел то, что нужно, организовывает поездки на квартиры, которые снимает специально для этих мероприятий. Но есть причина, которая ему сейчас мешает заниматься любимым делом.

– И что же это за причина?

– Я.

– Вы? Каким образом? – Сандра улыбнулась. Кажется, шок миновал, и теперь Мартынов с удивлением обнаружил для себя, что разговаривает не с манекеном для любовных утех, а с нормальным человеком. Но только очень красивым человеком.

Через распахнутую дверь он бросил взгляд в стену коридора. В огромном зеркале расположились крошечные Кеннет с напарником и о чем-то мило болтали.

– Давайте, Сандра, я попробую угадать, – незаметно для самого себя Мартенсон перешел на уважительную форму общения. – Вы здесь месяц, насколько я понял из разговора с охраной на первом этаже. Все эти дни вы наблюдаете за процессом, который не мог миновать вашего внимания. Я говорю о поведении босса компании, который день ото дня становится все мрачнее и мрачнее, и пришел, наконец, день, когда он стал просто невыносимо резок. С чем это связано, вы понять не можете, однако помощники Малкольма, кажется, в курсе событий. И такое поведение босса их не удивляет. Напротив, они подражают ему, и общение с ними также становится все более и более невыносимым. Такое впечатление, что все ждут какой-то беды, причем об истинном ее значении знают лишь Малкольм, его зять Флеммер и иже с ними. Я все верно говорю?

– Удивительно, но все так, – скривив пухлые губки, бро-

сила Сандра.

– На самом деле это неудивительно, если знать, что произошло за этот месяц в частности и за два последних месяца в целом.

– И что же произошло?

– У вас настоящая грудь или резиновая?

Сандра порозовела.

– Меня такой мать родила.

– Сразу с силиконом?

– Мистер... как вас?.. Да, Мартенсон, все, что вы видите перед собой, дело рук природы, а не хирургов. И глаза у меня голубые, и волосы на самом деле золотистые. И ноги от рождения ровные. И грудь настоящая. И задница, и живот, и плечи мною заимствованы от матери и, чтобы совсем утешить ваше любопытство, сообщу, что за те двадцать два года, что живу на свете, до сих пор не повстречала мужчины, которому позволила бы задержаться в своей постели более чем на ночь.

– Вы проститутка?

– Вы идиот, как и все те, которые вылетают поутру из моей кровати, чтобы никогда больше в ней не оказываться! Здесь полно тех, кто умеет носить костюмы от Bgioni за две тысячи долларов, но среди них нет ни одного мужчины. Какая, к примеру, разница для Кеннета, кто вы, если вы оскорбляете женщину? Но он смолчит, как и остальные мерзавцы. И будет рад прыгать, как кенгуру, чтобы принести вам ключ!

Мартынов посмотрел на нее с интересом. Секретарш с такими умозаключениями в «Хэммет Старс» он еще не встречал. Наверное, в период тревог и ненастий Малкольм подошел к замене Сондры поверхностно, лишь из соображений внешних данных претендентки.

– А у вас, видимо, есть мечта? Как и у всякой американской женщины?

– Разумеется.

– И что же она, какова мечта ваша? – с любопытством спросил Мартынов, который только сейчас догадался, чем ему занять время ожидания. – Вы мечтаете занять мужа, умеющего готовить на уик-эндах барбекю, фанерный дом на берегу озера с метровой выбеленной оградой, троих детей, лабрадора и рожки из тыкв на Хеллоуин?

Девушка с интересом оглядела Мартынова с головы до ног.

– Кто вы, мистер Мартенсон?

– Я тот человек, из-за которого служащие «Хэммет Старс» каждый день видят беснующегося босса. Ваша американская мечта явно разнится с мечтой американца Малкольма. Он снова стал бы тем душкой, которым его привыкли видеть, если бы ему предоставили доказательство того, что я мертв. Но я умирать не хочу, из-за этого и все наши с ним противоречия. Ирландское ослиное упрямство вашего босса создает для него новые проблемы, и дело дошло, наконец, до того, что я сам прибыл к нему, чтобы задать пару

вопросов.

– Кто вы? – наводя Мартынова на мысль о родстве с Малкольмом, снова спросила Сандра.

Мартынов растер лицо и гаркнул на весь коридор:

– Кеннет!

Со злорадной улыбкой рассматривая появившегося в дверном проеме охранника, Сандра перевела взгляд на Андрея.

– Кеннет, познакомь меня с мисс Сандрой.

– Мистер Мартенсон, это мисс...

– Ты неправильно поступаешь, Кеннет, – остановил его Андрей, бросая взгляд в зеркало. – Воспитанные люди сначала представляют мужчину женщине.

Кеннету было все равно, а потому он начал сначала и без тени смущения:

– Мисс Сандра, это мистер Мартенсон. Советник мистера Малкольма по внешним связям. «Хэммет Старс» не заключит ни единого контракта, пока его чистоту не проверит мистер Мартенсон, – и Кеннет замолчал, соображая, видимо, достаточно ли этого для новой сотрудницы. Однако его не остановили, и он приступил к развернутой характеристике. – Мистер Мартенсон бывший боксер, у себя на родине он являлся признанным чемпионом. Участвовал в коммерческих боях в Америке, завоевал авторитет в спортивных и коммерческих кругах.

И Кеннет снова замолчал, но, получив негласное разре-

шение приступить к третьему этапу знакомства, опять заговорил:

– Мистер Мартенсон имеет влияние в... криминальных кругах Нью-Йорка, его имя известно во всех пяти районах города. В «Хэммет Старс» благодаря мистеру Мартенсону были выведены на чистую воду пять чиновников, занимавшихся растратами и сотрудничеством с...

– Ну, ну, – поощрил Мартынов.

– ...с ФБР.

Сандра изумленно посмотрела на Мартынова, который дал знак охраннику удалиться.

– Вы работаете в грязной компании, Сандра, – дождавшись, пока Кеннет займет свое место рядом с напарником в конце коридора, бросил он. – В какой-то момент вы показали мне сообразительной и даже милой девочкой, и мне пришло в голову помочь вам выйти из беды, которая скоро грянет. И я даю вам совершенно бесплатный совет: прямо сейчас, не собирая вещей, возьмите со стола свою сумочку и под банальным предлогом спуститесь вниз. Выйдите из здания и никогда больше в него не возвращайтесь.

– Вы... шутите?

– Нет, не шучу. – Лицо Мартынова, обращенное в сторону зеркала, затвердело. – Кажется, я опоздал с советом. Но вы сами хороши. Могли бы о кенгуру сказать сразу, когда я вас катил по коридору.

Ей нравился этот мужчина. Теперь нравился. И она не по-

нимала, почему так резко изменилось его лицо. Шрамы на нем, до этого момента едва видимые, вдруг побелели, глаза из насмешливых превратились в стальные.

– Быть может, нам стоит поговорить в другой обстановке? – вставая, Сандра одернула юбку. – На 13-й стрит есть уютное кафе...

– Нам до него сейчас уже не добраться.

– Почему? – не на шутку встревожилась девушка. Сандра зашла за спину Мартынова и посмотрела туда, куда был обращен его взгляд.

В зеркале, в конце коридора, стояли и разговаривали с Кеннетом и его напарником трое знакомых ей людей. Они никогда не здоровались с нею и никогда ею не интересовались. Они в сопровождении начальника службы безопасности молча проходили в кабинет Малкольма, через час уходили, а через день или два возвращались в том же составе. Как-то раз она не выдержала и спросила о причинах появления этих типов у одной из машинисток, Лоры. Та посмотрела на нее испуганным взглядом, словно Сандра интересовалась, сколько раз в неделю ее любит муж, и быстро пробормотала: «Тебе лучше не знать». А через неделю, в клубе на 14-й стрит, когда они сошлись уже довольно близко, подвыпившая Лора, держа меж пальцев дымящую в лицо бармену сигарету, выдохнула: «Я не знаю, кто эти мальчики, но говорят они на ломаном английском и приходят в офис только тогда, когда у Старика большие проблемы. Ну, ты понима-

ешь... По мнению Старика, есть люди, которые не должны больше путаться у него под ногами, их нужно...» Она при- ставила ко лбу Сандры указательный палец, сделала губами: «Пук!» – и сдула пепел с сигареты, как с дульного среза ре- вольвера. Выпив еще один мартини, она хрипло проговори- ла: «Забудь об этом».

Глава 2

«Латинос» как лекарство от русской мафии

И сейчас троица в полном составе стояла в холле и о чем-то оживленно беседовала с Кеннетом. Перекинув взгляд на Мартенсона, Сандра все поняла и побледнела.

– Они пришли вас... – Она выставила в сторону Мартынова указательный палец, но произнести «пук» не смогла. Губы ее одеревенели, пугала ее не только возможность быть тому свидетельницей, но и оказаться рядом с мишенью.

На Мартенсона этот жест не произвел никакого впечатления. Подняв руки с коленей, он уложил на стол револьвер с коротким стволом.

– Такой же у Кеннета, – пробормотала Сандра. Она почувствовала, как ей становится дурно.

– Он и есть Кеннета, – возразил Мартынов. – Когда-то я зарабатывал этим на хлеб. Я только одного понять не могу, никогда не мог... Как можно не чувствовать, как у тебя из кармана вытаскивают «лопатник» или снимают с пояса килограмм железа... Ты видишь этот шкаф, детка? Сейчас ты быстро запрыгнешь в него и не подашь ни единого звука до тех пор, пока я не позову тебя.

Заметив, что ноги у девушки словно окаменели и в голо-

ве ее никаких процессов не происходит, он быстро бросил взгляд в зеркало, встал из кресла и завел Сандру в оборудованный в стене шкаф-купе. Когда-то в нем висели костюмы мистера Мартенсона, и там всегда можно было найти бутылку хорошего виски. Сейчас там болтались костлявые вешалки, а бар для напитков был пуст.

Еще раз выглянув в коридор, он сунул руку в ящик стола.

Через несколько секунд тишину в кабинете оглушил треск разматываемого скотча.

Если зеркало докладывало правду, то троица должны была появиться на пороге кабинета через минуту. Взяв курс в конец коридора по подсказке Кеннета, они уже преодолели треть расстояния. Мартынову было хорошо видно, как, шагая по мраморному полу, все трое вынимают что-то из-за пазух, из-за пояса, проверяют и укладывают обратно. Проверка оружия заняла у «мальчиков по вызову» не более пяти секунд.

Каждого из троих Мартынов знал лучше, чем кого-либо в «Хэммет Старс». Эти трое латиноамериканцев, выходцы из бедного квартала Queens, крутили нервы Мартынову с первого дня его пребывания в должности советника. Пять лет назад, еще до того момента, как Малкольм оценил в русском крепком парне здравый ум и трезвый рассудок, Андрей находился среди «латиносов» и выполнял столь же грязные поручения, как и они. За пять лет в их карьере ничего не изменилось. Они по-прежнему прибывают, когда нужно вытря-

сти из должника деньги или запугать до смерти. И сам факт того, что после звонка Кеннета на встречу с Мартенсоном прибыли не шишки из «Хэммет Старс», что было бы логично, а трое моральных уродов, наслаждающихся видом вырванных ногтей или отрезанных ушей, свидетельствовал о том, что разговора по душам в этой конторе не получится.

На это Мартынов, следуя на 10-ю авеню, и не рассчитывал. Хотя где-то в глубине души он надеялся, что Малкольм решится на разговор с ним. Попробует решить вопрос если не цивилизованным, то хотя бы нормальным образом. До цивилизации тут далеко, коль скоро Мартынова даже в России дважды пытались прикончить... Но одно лишь предложение Малкольма принять некоторую часть денег в качестве компенсации за двойное покушение заставило бы Мартынова действовать здесь более мягко.

В голове Андрея, несмотря на его внешнее спокойствие, кипел мысленный вулкан. Пролетали и укладывались в стопку ленты воспоминаний о попытках Малкольма уничтожить его. Малкольм врал с самого начала. Доказательством его замаскированной лжи были суммы, перечисляемые на счет Мартенсона, однако чего стоят сто тысяч долларов, когда речь идет о десяти миллионах? Сейчас уже не было сомнений в том, что он должен был закончить свой путь либо сразу по приезде в Нью-Йорк, либо на исторической родине. Его тело уже как минимум три раза должно было всплыть в Гудзоне, Оби и Язуе. Если бы его не прикончили в Штатах, его

умертвили бы в Новосибирске.

Малкольм совершил ошибку, которая стоила ему теперь головной боли и бессонницы. Ему следовало принять от Мартынова семь миллионов, как и было оговорено, и забыть о трех. Но жадному ирландцу понадобилось все. И он почему-то решил, что можно вот так запросто забрать деньги и убрать Мартынова. И сейчас получалось, что из тех десяти миллионов, на которые он рассчитывал, не имеет ни цента. Но еще более неприятным является то, что Мартынов жив. И не просто жив, а жив в Нью-Йорке. И он не просто так сюда приехал, не с крыши Эмпайр-стейт-билдинг на Манхэттен поглазеть. Если он и заберется на эту крышу, то только для того, чтобы сбросить с нее грузное тело бывшего работодателя.

Да, Мартынов, наверное, смог бы повернуть локомотив решений в сторону, позвони ему сейчас в кабинет Малкольм и извинись. Денег Мартынов, конечно, не взял бы, ему хватит и тех десяти миллионов, что покоятся на резервном счете и ждут хозяина, но зато он объяснил бы Стиву, что напрасно тот так горячится. Им нужно жить в мире и согласии. Иначе Мартынову никакого смысла нет тайны хранить. Какие тайны?.. Разве Стив Малкольм не понимает, о чем идет речь? Конечно, откровенный визит Мартенсона в ФБР может закончиться для него сроком лет в десять, но вот для Малкольма этот срок может увеличиться как минимум вдесятеро. Мартынов мог вспомнить десятки случаев, когда по

распоряжению главы «Хэммет Старс» этими троими уничтожались люди. Да и не только этими троими...

Зря не позвонил Малкольм в кабинет, зря... А ведь Андрей сделал все для того, чтобы Малкольм понял – он в кабинете...

Если бы Андрей не был уверен в том, что убивать сразу его не станут, он написал бы другой сценарий встречи... Ведь сначала ребята должны вытрясти из него номер счета и реквизиты банка, а уже потом его резать, бросать в ванну, засыпать негашеной известью и заливать водой. Через шесть часов можно будет прийти, вынуть пробку и смыть водой то, что осталось от Мартынова. Переход в иную субстанцию посредством извести – любимое занятие этих ребят из Коста-Рики.

Если бы вопрос стоял только в части устранения ненужного человека, Стив позвонил бы снайперу из Панамы. И тот прошил бы голову Мартынову сразу, как только нога его ступила на бетон аэропорта имени JFK.

Андрей, следуя из аэропорта на такси с Машей, смотрел не на красоты американского образа жизни, а назад. Объемные зеркала старенького «Mercury»-такси с индийцем за рулем позволяли видеть с заднего сиденья все, что происходило сзади. Две машины, черный «Кадиллак» и серый «Бьюик», сменяя друг друга, катились за таксомоторным «Фордом», словно привязанные резиновыми жгутами. То удаляясь, то приближаясь, они точь-в-точь повторяли маршрут

Мартынова и не свернули даже тогда, когда он, прежде чем добраться до «Хилтон», приказал индусу прокатиться по кольцу радиусом в два километра. Ни один здравомыслящий американец этого не сделает, но водители «Кадилака» и «Бьюика» так и ехали следом...

Если бы Мартынова хотели убить, уже бы убили. Конечно, трое отморозков приехали не для того, чтобы полужгать с Мартыновым фисташки, но убивать сразу не станут. Им нужен банк и счет. Им нужен полный доступ к деньгам Малькова-старшего.

Глава 3

Атака клоунов

Они вошли, и первое, чем занялись, это осмотром помещения и его хозяина. Старший из них, Бронко (Мартынов так и не узнал никогда, кличка то была или имя), смотрел в лицо Мартынова отморозенным взглядом. Его глаза, в которых застыли души не менее двух десятков убитых им людей, глядели на Андрея поверх пятнадцатизарядного пистолета «беретта», как софиты разбомбленного театра. Бронко контролировал Мартынова, пока двое его подельников убеждались в отсутствии в кабинете посторонних и оружия.

Ничего и никого не нашли.

Мартынов видел, что больше всего им хочется подойти к самому уважаемому человеку в «Хэммет Старс», врезать ему по мозгам и примотать скотчем к креслу. А потом вытащить из карманов отвертки, кусачки, спицы и прочую хрень, что они носят с собой на деловые встречи, и приступить к оной без промедления. Однако взять и просто так приблизиться к Мартенсону, который не убирал ног со стола и наблюдал за событиями с ледяным спокойствием, было страшно. Память о том, как в пубертатный собачий период, когда в низовом звене устанавливалась негласная иерархия, в головах этих псов была бессмертна. В стае рано или поздно наступают моменты, когда стремление выяснить «альфа-суще-

ство» преобладает над всеми остальными проблемами. Стая не может жить без вожака, и тот коллектив, в котором Мартынов оказался, прижившись в «Хэммет Старс», от стаи ничем не отличался.

Первым, что совершенно логично, под руку мастера спорта СССР по боксу в тяжелом весе попал именно Бронко. Решив воспитать русского сразу и навсегда, он затеял с ним свару по поводу пропавших из его кармана в раздевалке спортивного клуба десяти долларов. Мартынов за свою жизнь взял немало чужих денег, он не отрицал этого и потом, когда шло разбирательство над телом едва живого Бронко. *Но он никогда не брал там, где жил и с кем делал одно дело.* Ему предъявили «крысу», а это обвинение нужно снимать либо неоспоримым доказательством, либо оттирать это обвинение кровью того, кто предъявляет.

Мартынов никогда не колебался в подобной ситуации. Организация следствия всегда претила его взглядам на жизнь и казалась самым неразумным решением возникшей проблемы.

Бронко почувствовал себя нехорошо сразу после проведенной «двойки» в челюсть и правый бок. Уже хватая ртом кислород, который не хотела воспринимать поврежденная печень, он пытался вынуть что-то из кармана, но еще одна «двойка» размазала по его лицу нос и едва не проломилась грудину. Точкой в разговоре был хороший свинг, окончательно выбивший из латиноамериканца остатки сознания. Бронко

не слышал сути разговора, который происходил над его коряво лежащем на полу телом. Крупный разговор. Но не глобальный. О каком глобализме может идти речь, если вожак стаи валяется на полу, как собака, а русский говорит: «Перестилаем крышу, братва. Пики нынче не в ходу, за козыря нынче черви». Ничего из сказанного толпе в восемь человек понятно не было, однако совершенно ясно было другое: в низовом, бойцовском звене «Хэммет Старс» появился новый лидер. Мартынов находился на завоеванном положении еще полтора года, пока, наконец, его не заметил Флеммер и не шепнул о находке Малкольму.

И вот сейчас простой латинский парень Бронко, рожденный от гватемальской проститутки и матроса США, стоял перед Мартыновым и сопел через свой так и не выпрямленный толком нос. Больше всего ему хотелось разрезать Мартынову горло, вытащить через разрез галстук и пить ром под звуки смерти. Но задача была иной. За невыполнение ее Бронко грозило то же самое, что он сейчас с вдохновением обдумывал в отношении Мартенсона.

Его «шестерки» покружили по кабинету, видя, что руки советника пусты, карманы не выдают присутствия тяжелого и острого, встали по обе стороны от стола.

– Как погода в Кесангенальго, Бронислав?

– Светит солнце, – с комичным акцентом произнес тот. Его говор на английском с гватемальским акцентом был очень похож на говор армянина на русском на рынке.

– Чему ты смеешься, Мартенсон? – прохрюкал через разломанную носовую перегородку латинос. – Тебе не нужно смеяться. Мы пришли по не очень смешному делу.

– Разве ты уже ходишь по несмешным делам?

Бронко мужественно перетерпел обиду и перешел сразу к делу. Говорить долго он не любил, потому что говорить не умел, но оправдывал это тем, что его задача делать дела, а не болтать. Среди людей среднего ума этот недостаток воспринимался как преимущество, и Бронко, дабы предотвращать подозрения относительно своего недалекого ума, первым делом всегда вынимал из кармана пистолет или другое железо, с которым уважаемые люди на встречи не ходят ни в Америке, ни в России.

– Мистер Малкольм направил тебя в Россию найти деньги и вернуть их. Ты уехал в Россию и не приехал. Значит, ты нашел деньги и решил их украсть. Значит, ты украл их. Это нехорошо. Мистер Малкольм недоволен. Он просит вернуть деньги.

Мартынов почесал мочку уха и потянулся в карман пиджака. Выставленные в его сторону пистолеты вздрогнули и замерли.

– Cigarettes, – объяснил Андрей и осторожно вытащил из кармана пачку «Лаки Страйк». Покрутил в зубах сигарету, щелкнул зажигалкой и выдохнул дым в сторону стволов. – Давай-ка помыслим твоими мозгами, амиго... Все японцы – черноволосые. Значит, ты – японец. Все женские японские

имена заканчиваются на – ко. Значит, ты – японка, Бронко! Японские женщины ходят в гости к чужим мужчинам либо в сопровождении мужа, либо по вызову. Эти двое не могут быть твоими мужьями, потому что они педики... Значит... Fucking japan-baby! Что нужно гейше в моем офисе?

Бронко засопел, как паровоз, и сделал шаг в сторону Мартынова. Двое спутников поняли, о чем речь, только спустя минуту. И тоже обиделись.

– Ну-ну, осторожно, – выставив руку, предупредил Мартынов, – они, видимо, заряжены. Скажи мне номер телефона Малкольма, и мы уладим этот конфликт. С тобой разговаривать невозможно, ты идиот.

– Ты напишешь на бумаге банк и счет, – объяснил Бронко. – Я отнесу бумагу мистеру Малкольму. Ты уедешь в Советский Союз, конфликт будет улажен.

– В какой Советский Союз я уеду, дефективный? Какую бумагу ты собрался нести, ты, голова, насаженная на хер?

– Я очень хочу тебя убить, – признался Бронко, вынимая из кармана что-то очень похожее на засаленный блокнот и ручку. – Но мистер Малкольм попросил узнать у тебя банк и счет и оставить в покое. Дай банк и счет, Эндрю, я могу не совладать с собой.

– Хорошо, бери ручку. Ты знаешь, что это такое? – обливав средний палец, Мартынов показал его собеседникам. – Ну, так это просто ерунда по сравнению с тем, что я хочу передать мистеру Малкольму. Рисуй, пока рука не затекла! – И

Мартынов, резко выбросив вперед руку, второй рукой ударил по ней так, что она переломилась пополам и устремилась в потолок.

Бронко с сомнением посмотрел на спутников. Вероятно, в глазах его в этот момент должен был вспыхнуть огонь, и он должен был отдать приказ ломать потенциального покойника, но... Он посмотрел на спутников, словно хотел им сказать: «Возможно, придется стрелять по коленям».

– Я не понял, – пробормотал один из них, – он что, назвал нас педиками?

– Бронко, через полчаса он тебя спросит, что такое «дефективный», – предупредил Мартынов. – А еще через час – «Что, он нам член показал, что ли?» У тебя хорошая компания. Жаль, не переломал вас четыре года назад, пока была возможность. Утешает лишь то, что в этом случае на вашем месте сейчас стояли бы другие потомки гватемальских шлюх и пьяной матросни.

Первым не выдержал тот, что стоял слева от Мартынова. Стрелять было нельзя, поэтому он перехватил огромную «беретту» за ствол и бросился на советника, будто с топором.

Сообразив, что лучшего момента связать русского может и не представиться, двое остальных ринулись на помощь подельнику. Тот, что стоял справа, собирался обежать стол и зажать Мартынова в тот момент, когда на него обрушится рукоять полуторакилограммового пистолета, а Бронко бежал прямо на стол, рассчитывая вскочить на него и оказаться

сверху.

Быстро сообразив, что к чему, Мартынов скинул ноги, оттолкнулся от пола и стремительно покатился в сторону владельца «топора». Ноги его, выставленные, как таран, врезались в живот бойца и отбросили того к стене. Теперь, когда спинка кресла уже не была прижата к стене, Мартенсон выхватил закрепленный к ней скотчем револьвер Кеннета и дважды выстрелил в Бронко, уже вскочившего на стол...

Две пули девятого калибра сдули его со стола. Вслед за ним на пол посыпались канцелярские наборы, в изобилии украшавшие стол советника, и, хрястнув, как сломанный сук, туда же завалилась настольная лампа.

– Брось!! – прокричал Мартынов, вставая на ноги и держа руку с револьвером у головы оставшегося на ногах головореза. Он отвлекся лишь на секунду. В связи с невероятной живучестью инициатора нападения нужно было срочно прострелить ему колено.

Когда концентрация сгоревшего пороха стала в кабинете невыносимой, Мартынов шагнул вперед и упер горячий дульный срез в переносицу латиноамериканца.

– Я не знаю, как тебя зовут, амиго, но, если ты дернешься, нажму на спуск. А это значит, что мой смертный грех в этой части останется неотмоленным. Как же мне просить Господа простить за смерть твою, если я не знаю твоего имени?

– Карлос...

Мартынов отвел взгляд от его лба, чтобы посмотреть под

его ноги. Под подошвами ботинок от Prada расплзлась пенящаяся лужа.

Я правильно нашел слабое звено, подумал Андрей.

– Жить хочешь? – спросил он под звук падающего пистолета своей последней жертвы, крик хозяина простреленного колена и хрип Бронко.

Амиго закивал головой, как укушенная слепнем лошадь.

– Номер телефона Малкольма?

– С мистером разговаривал только он, – давясь словами, быстро проговорил обмочившийся головорез, – только он... По мобильному телефону... Он в кармане.

– Ну, так дай мне этот телефон, – попросил Мартынов.

С трудом согнувшись и испытав все неудобства, которые испытывает обоссавшийся мужик, латиноамериканец распахнул пиджак Бронко, нашел трубку и протянул Мартынову.

– Последний номер из списка вызываемых абонентов...

– Добро пожаловать в жизнь! – И Мартенсон, тяжело размахнувшись, опустил рукоятку револьвера на темя последнего из врагов.

– Ты еще жива там, беби? – любясь в зеркало на то, как Кеннет лапает себя по всем частям тела в поисках чего-то утраченного, крикнул Андрей в сторону шкафа.

– Мать Божья!.. – услышал он в ответ. – Мать!.. Я не умру, если выйду?!

– Только быстрее выходи, детка, – попросил Андрей, ви-

дя, что Кеннет лихорадочно нажимает на телефоне кнопки.

Забросив в карман сигареты, Мартынов вскочил на стол, поднес зажигалку к датчику температуры и чиркнул колесиком...

Через мгновение помещение превратилось в одну большую душевую кабину...

Сандра рассматривала кабинет тем взглядом, которым, наверное, оглядывала Землю после рая Ева.

Лужи крови, лежащие в них тела и грязная ругань переживающего за свое колено бойца вызвали у нее неподдельное недоумение. Справа от нее лежал с разбитым лбом амбал с мокрыми штанами, слева – безмолвный великан с заплетенной в косичку черной бородкой, перед нею – рыдающий и умоляющий пригласить врача для осмотра его ноги. «А она говорила – страшные люди...» – произнесла она странную для мистера Мартенсона фразу. Разглядывая хозяина кабинета и не найдя на нем никаких следов от ножа или пули, она тщетно пыталась реконструировать только что произошедшие события. У нее, естественно, не получалось. В ее голове не укладывалось, как мистер Мартенсон, который на полголовы ниже любого из валяющихся на полу, мог их побить.

– Ты когда-нибудь занималась экстремальными видами спорта? – услышала она не самый простой для себя в этой ситуации вопрос.

– Дайвингом... немного... – не слыша себя, прошептала она.

– Подойдет, – качнул головой Мартынов, видя в зеркале, как на помощь первой троице мчится вторая. И этих он знал хорошо, и по этим лицам прохаживался его кулак в пубертатный период... – Представь, что ты без акваланга будешь спускаться в Марианскую впадину.

Он с ума сошел от вида крови, пришло ей в голову.

Эта мысль утвердилась в ее понимании, когда он, словно пушинку, подхватил ее на руки и вскочил на подоконник.

– Какой у тебя вес?

– Ч... что?

– Вес сколько? Сколько фунтов?

– Сто сорок... – Пряди ее золотой челки развевал ветер, она чувствовала под собой бездну. – Мистер Мартенсон, у меня есть хорошие антидепрессанты...

– Сто сорок... Это пятьдесят шесть килограммов, значит... Спасибо десяти классам советской школы. – Присев вместе с ней, он поднял с подоконника тяжелый цилиндр и, поглядывая в зеркало, несколько раз щелкнул какой-то кнопкой. Все это время Сандра молилась о том, чтобы он вернул ее в кабинет, но не могла даже пошевелиться от ужаса. – Ты не знаешь, что находится на двадцать первом этаже? – спросил он, и Сандра почувствовала, как руки его стальной хваткой сжали ее спину и бедра.

Ветер охлаждал ей спину и грудь, обтянутые насквозь промокшей блузкой, она смотрела в глаза мистера Мартенсона и не верила, что это все происходит on-line. Есть же какие-то

программы... Розыгрыши, приколы...

– Адвокатская контора «Смит и сыновья»... А что?!

И она поняла, что ее уносит вниз. Первое время ей казалось, что земля притягивает ее к себе больше, чем кого-либо другого. Но потом, поняв, что полет проходит в каком-то контролируемом режиме, разжала веки.

Это было невероятно. Это было круче, чем в фильме «Человек-Паук»... Это было ярче, чем в «Бэтмене»...

Мистер Мартенсон держал ее за талию одной рукой так, словно хотел раздавить, а второй удерживал в кулаке петлю, которую она видела торчащей из стального цилиндра, закрепленного у самого подоконника. Выходящая из него веревка разматывалась, как паутина паука, и ей впервые в жизни удалось посмотреть на Нью-Йорк с высоты птичьего полета не из кабины внешнего лифта, а вдыхая его воздух без опоры под ногами...

Это было чудесно... Сандра закрыла глаза и прижалась влажной щекой к плечу мистера Мартенсона... Это был невероятный миг... Это был миг невероятной близости с полуволшебником-полубандитом...

Этот миг закончился так же скоро, как скоро миновал страх, родившийся в ее душе, когда она стояла на подоконнике.

От динамического удара, потрясшего ее, она открыла глаза и напрягла было ноги, чтобы ступить на асфальт Манхэттена, как вдруг посмотрела вниз и, оглушая Мартынова, за-

визжала.

– Конечная, мисс, – объяснил мистер Мартенсон, оттолкнулся ногами от стены, и Сандра с замиранием в сердце почувствовала, что находится как раз над проезжей частью 10-й авеню...

Произошло уже столько всего невероятного, не поддающегося объяснению, что девушка решила не углубляться в подробности того, что делает этот мужчина. Качается – пусть качается. Скажет – «прыгаем», значит, она прыгнет. В любом случае, он уже убедил ее в том, что с ней ничего плохого не случится. Во-первых, он спрятал ее от бандитов, чего мог бы, собственно, и не делать, во-вторых, он не оставил ее там, когда приближались другие бандиты. Получается, он терял с ней время, вместо того чтобы исчезнуть самому. И вряд ли она упрекнула бы потом его в этом... *Ты посмотри, качается... Хотя, признаться, приятно с ним это делать...* Как бы то ни было, вряд ли он стал бы дважды подряд спасать ее, чтобы потом причинить боль. Он ненормален – это очевидно. Но он чарующе ненормален – а это приятно...

Мысль ее была прервана страшным грохотом.

Она почувствовала, как мистер Мартенсон удерживает ее затылок ладонью, и амплитуда качания уже вовсе не та, что была до этого. В последний момент она вдруг увеличилась вдвое.

Только бы не вниз, подумала Сандра и снова открыла глаза.

Картина, представшая перед ней, сначала ее шокировала, а потом вызвала истерический смех.

Мистер Мартенсон стоял на огромном Т-образном столе, за которым восседали не менее двух дюжин мужчин в невероятно дорогих костюмах. Прямо перед глазами Сандры, на огромной, выкрашенной в защитный цвет, стене красовались метровой величины золотые буквы:

SMITH & SON'S

По глазам замерших за столом господ было понятно, что повидать им в жизни пришлось всякого, но аналогий тому, что предстало пред ними сейчас, они не находят. Осколки стекла зеркального витража стены, покрывшие весь стол брызгами размером от квадратного сантиметра до квадратного дециметра, лежали поверх бумаг, фирменных бланков, дорогих авторучек и перевернутых письменных приборов. Перед ними стоял мужчина с сединой на висках и очевидным бесом в ребре, в слегка разорванном костюме от Ponti. Он держал на руках симпатичную секретаршу с 33-го этажа в коротеньком костюмчике от Escada, и мисс дико хохотала.

Лица сыновей адвоката Смита были ужасны. Они понимали, что почти уже состоявшаяся сделка в три миллиона долларов откладывается, понимали, что за спиной стоящего перед ними Капитана Америки и его подруги только небо Ман-

хэттена и более ничего. Каждому, вероятно, хотелось что-то сказать, но они не спешили этого делать в надежде, что первым это скажет кто-то другой.

Но первым заговорил тот, что держал на руках секретаршу. И заговорил он на странном языке:

Verevka, svoloch, korotka...

Но потом снизошел и до английского:

– Господа, прошу вас забыть о случившемся, как если бы его не было вовсе. Сейчас мы уйдем, вы придете в себя, и последнее, что останется в вашей памяти, это чайка, сошедшая с курса над Гудзоном.

Прохрустев по столу до самого его конца, мужчина спрыгнул, опустил девушку на землю и потянул ее к выходу за руку. Через секунду, как он и обещал, о странном происшествии напоминали лишь осколки стекла на полу и на столе.

– Нужно вызвать стекольщиков, здесь ужасный сквозняк, – сказал после долгого молчания председательствующий.

Трое ворвались в кабинет советника президента «Хэммет Старс», когда тот еще стоял на подоконнике. Его позиция была уязвима, как никогда, но достать его у латиноамериканца Бронко не получилось. Ударивший в лицо кислый запах пороха и крови остановил их на пороге, и еще пять секунд у них отнял раненый боец, поскакавший к ним по полу, как таракан. Он умолял вызвать врачей и волочил раздроблен-

ную ногу, оставляя на полу широкий багровый след...

Один из головорезов Малкольма выглянул в окно, надеясь увидеть с высоты тридцать третьего этажа два размазанных на асфальте тела...

Каково же было его удивление, когда он увидел, что русский, удерживая на руках девку, как Spiderman, отталкивается от стены и пытается разбить ногами витраж пятьюдесятью метрами ниже.

Включая соображение, латинос нырнул головой еще ниже и обнаружил стальной альпинистский крюк, вбитый в стену. К нему был пристегнут мощный карабин, удерживающий трущийся о стену и тем привлечший внимание цилиндр. Если бы он был выкрашен в красный цвет, то его запросто можно было спутать с огнетушителем.

– Что за черт?! – прокричал латинос, разворачивая к подельникам растерянное лицо.

Эти секунды общего недоумения и спасли жизнь Мартынову и Сандре. В тот момент, когда они разносили в брызги зеркальную стену офиса SMIT & SONS, один из головорезов сорвал с пояса нож, перегнулся и одним движением отсек цилиндр от веревки. Когда Мартенсон произносил свою непонятную фразу о веревке, сетуя на ее убогую длину, она просвистела за его спиной, путаясь в клубок...

– Вниз, все вниз!! – прокричал латинос. – Через две минуты тут будет взвод брандмейстеров!..

– А как же я?! – вскричал обезноженный бандит, разрывая

глотку от гнева и боли.

Не успеть с ним, подумалось сменщику Бронко, и он, ни-чтоже сумняшеся, направил на бывшего соратника пистолет и трижды нажал на спуск. Третий, с мокрыми брюками и разбитой головой, выразил желание идти своими ногами. Через минуту в кабинете осталось лишь несколько тел, поливаемых сверху тремя душевыми лейками. Вода, оказываясь на полу, смешивалась с кровью, превращала ее цвет из черного в розовый и расползлась по всей площади кабинета бывшего советника «Хэммет Старс»...

Перед тем как в кабинет зайдет один из пожарных, чтобы произвести разведку очага возгорания и понять, что, вообще, происходит – из окон здания не валил дым, хотя пульт автоматической системы безопасности показывал обратное – в офис советника вбежит обезумевший Кеннет.

Падая на пол и вскакивая, ныряя в углы и заглядывая в шкаф, он будет что-то искать и проклинать все на свете писклявым, вызывающим жалось голосом. Он сделал все, о чем его просили, он позвонил, сообщил, сдал... Но почему в награду он получает наказание, которое теперь не в силах изменить даже всемогущий мистер Малкольм?..

Услышав сообщение напарника по рации, он почти зарыдает в голос. Окружающая его обстановка свидетельствовала о том, что здесь гораздо большая необходимость в полиции, чем в пожарных.

Кеннет выбежит из кабинета и удалится в уборную. Там

он будет биться головой о стену и проклинать тот момент, когда вошел в офис Мартенсона, позволил себя приобнять за талию... В пункте сорок шестом инструкции сотрудникам «Хэммет Старс» сказано, что сотрудник службы безопасности обязан бдительно следить за своим оружием и не допускать его передачи в другие руки...

– Кеннет! – раздался взволнованный голос напарника, приоткрывшего дверь в уборную. – Ты здесь? Полиция...

Глава 4

Знакомьтесь – Генри Чески

Это был человек, о котором в его участке не вспоминают без кислой гримасы, вызванной чувством внутреннего дискомфорта. Сорокавосемилетний детектив убойного отдела был в состоянии взвинтить нервы любого напарника в течение одного дня совместной работы. И хотя менять напарников не приветствуется, Чески это ничуть не тревожило по той причине, что менял не он, а лейтенант Кросби, и по просьбе как раз самих напарников Чески.

Привычка жевать сигары, а не курить их, сосать леденцы, сплевывать в урны в общественных местах и ехидные насмешки выводили из себя не только новичков, но и бывалых детективов 13-го участка. Чески ел в машине, сыпал крошки на коврики, ужасно потел, отчего по три и более раза возвращался в участок, чтобы принять душ, и не стеснялся пройти мимо женской раздевалки в одних трусах и с полотенцем через плечо.

– Сьюзи! – грохотал при этом его голос в сторону шуршащего водой женского душа. – Я видел тебя вчера с этим альфонсом из «Гроверсон» Хатчером! Он ходит на курсы анонимных алкоголиков и ночами рисует голых женщин! Ты не знаешь, кто ему позирует?

– Пошел к черту! – доносилось из душа.

Чески ухмылялся и, потрясая двумястами пятьюдесятью фунтами живого веса, шествовал обратно. До пенсии Чески оставался год с небольшим, и если этот факт озарял перспективы всех без исключения детективов участка, то он же невероятно беспокоил лейтенанта Кросби. Чернокожему начальнику участка было совершенно наплевать, что жует и где плюет Чески. С его уходом участок лишался единственного в своем роде сыщика, поцелованного Господом в лоб. Чески развязывал такие узлы, которые были не под силу самым толковым детективам, замены ему не было, и убойный отдел скоро мог лишиться профессионала, подаренного участку случайным образом.

Чески оказался в 13-м участке настолько же случайно, насколько случайными считаются все его удачные расследования. При всем великолепии его опыта работы, у детектива имелся недостаток, способный затмить все преимущества. Он до смерти боялся садиться за руль. Никакая сила не могла затолкнуть его на то место в полицейском «Форде», за которым располагается рулевое колесо. Чески знал наизусть все уложения, положения и инструкции, он применял их на практике молниеносно, как если бы сам был их автором, но запомнить порядок переезда регулируемого, а тем более нерегулируемого перекрестка было для него чем-то сродни игры на фортепиано, которой он учился в детстве шесть лет, да так и не научился. Без умения управлять автомобилем детектив по всеобщему признанию детективом не является.

Поговаривали, что на экзамен по вождению в полицейской академии Чески пригласил своего брата-близнеца, жившего в ту пору в Цинциннатти, однако до сих пор это никто не мог ни подтвердить, ни опровергнуть.

Кросби заметил будущего детектива своего участка во время соревнований полицейских штата Нью-Йорк. Работавший в ту пору в Бронксе, Чески изнывал от бумажной работы, изводил своими неотразимыми шуточками коллег. На стене 23-го участка висел календарь, на котором было написано: «Пенсия Чески состоится через...» Под надписью был пришпилен кармашек, в который дежурный офицер вкладывал по утрам новый листок. Так, «8 лет 3 месяца и 12 дней» менялся на «8 лет 3 месяца и 11 дней» и так далее... Чески, к всеобщему неудовольствию, не обижался, напротив, правила игры принял, и вскоре участникам общего издевательства стало ясно, что издеваются не они, а над ними. Только через пару месяцев кто-то из офицеров заметил, что прежней надписи с упоминанием имени Чески больше нет, а существует другая, появление которой не было обнаружено сразу по причине одинакового шрифта и цвета.

«Она обещала дать мне через...»

Чески любил прессу, а в ней – политические заметки, потому что это был самый доступный способ поиздеваться над теми, над кем он еще вдоволь не наиздевался. А таковых оставалось все меньше и меньше.

– Уго Чавес зачастил в шоп-туры, – докладывал он, входя

к дежурному офицеру, лицо которого при появлении Чески тускнело, а глаза становились несчастными. – Если верить Times, то он закупил у русских автоматы и истребители, а у Лукашенко – трактора... Как твоя жена и мои дети, Джордах?

Чески не любили все... Знали, что он презирает спиртное и гордится своим весом, однако никто не знал, что у него большое сердце, и он часто страдает бессонницей от одиночества. Его родители, опустившиеся старики, проживали на юге штата Мэн, и половину своего еженедельного жалования он посылал им, точно зная, что семидесятилетние Боб и Шарлотта Чески их пропьют за два дня. Генри Чески был некрасивым мужчиной и знал это... Его жизнь была разделена на две половины, как делятся сутки на ночь и день. Ночью он страдал от того, что никому не нужен, а днем демонстрировал окружающим, что самый счастливый человек на свете. Больше всех Чески любил стариков, детей и женщин. И если старики и дети отвечали ему взаимной любовью, то женщины его сторонились, видя в этом толстяке животное, не способное ни на чувства, ни на благородные поступки.

Кросби заметил Чески на соревнованиях. От своего участка в Бронксе тогда еще сорокалетний Генри Чески должен был быстро и правильно допросить двух подозреваемых, дающих по одному и тому же факту разные показания. Поскольку вождение, стрельба и приемы самообороны лейтенанта Кросби не волновали, а главной задачей для него бы-

ло найти и переманить на этой ярмарке профессионального мастерства толкового сыщика, Кросби все время проводил в импровизированных классах для допросов, где за подозреваемых выступали, дабы усложнить процесс соревнований, те же детективы.

Задача была проста и в то же время необычна. Двое офицеров полиции в штатском изображали убийц, забравшихся в дом и убивших хозяина. Они были задержаны спустя сутки, но в разных штатах. И теперь детектив, то есть экзаменуемый Чески, должен был добиться признательных показаний, совпадающих в деталях. Задача проста, если учесть, что просты исходные данные, но она практически невыполнима, если знать, что колоть придется двоих реальных копов. Конечный результат для жюри был неважен по причине того, что глупо было бы подозревать, что ни с того ни с сего статисты вдруг начнут давать одинаковые показания. Жюри оценивало сам процесс работы детектива, его умение правильно вести себя на допросе и анализировать факты.

Кросби был потрясен.

Чески рассадил подозреваемых по смежным кабинетам, а за прозрачной зеркальной стеной напротив за происходящим наблюдали около пяти десятков крупных полицейских чинов. Каждое слово они слышали, и каждый жест они видели на расстоянии трех метров от себя, однако двоим подметным копам слышать и видеть друг друга было невозможно.

По обыкновению сунув сигару в зубы, Чески прошел в ка-

бинет одного из «подозреваемых» и под его насмешливым взглядом уселся на стул.

– Это правда, что в ночь на 22 августа этого года вы с Гарсиа были в сто первом доме на 22-й стрит?

– Это неправда, – улыбнулся коп из Queens. – Я был, но не в сто первом доме на 22-й стрит, а в пятнадцатом на 66-й. И не в ночь на 22 августа, а днем 14 сентября. Кстати, Антонио Гарсиа я не знаю. Возможно, вы говорите о Патрике Маккалоу?

В жюри раздались добродушные смешки, и кто-то даже хлопнул в ладоши. Было совершенно ясно, что толстяка из Бронкса ждет потрясающее фиаско, подобное тем, что уже случались перед ним.

– Я вам верю, – невозмутимо ответил Чески. – Но то, что у вас есть сестра Полли, вы оспаривать, вероятно, не станете?

У детектива Колина Франка действительно была сестра Полли, но он решительно не понимал, при чем здесь она. Это обстоятельство сменило его усмешку на улыбку радости, и он ответил: «Есть».

Заинтригованное жюри тоже не совсем понимало, о чем и о ком идет речь, все поерзали на стульях с минами удивления... Такая же мина появилась и на лице офицера Гарсиа при виде входящего в кабинет детектива Чески. «Подозреваемый» офицер Гарсиа пил кофе и жаждал повеселиться...

Присутствие свое в упомянутую ночь в упомянутом месте Гарсиа отрицал, заявив при этом, что с Колином Франком

он не виделся с прошлого Дня благодарения.

– Странно, это очень странно, – молвил Чески, пережевывая сигару. – Колин Франк только что сообщил мне, что вечером 21 августа вы направились на 10-ю авеню, где купили двух проституток – Полли Брандт и Стефанию, фамилию которой Франк запомнил. Так вы настаиваете на том, что не виделись с Франком вот уже полгода? Если Полли и Стефания предстанут перед судом и под присягой заявят, вопреки вашим показаниям, что весь вечер, всю ночь и весь день 22 августа вы были вместе с ними в Бруклине и ни на минуту не отлучались ни к месту убийства, ни куда-либо еще, то вы будете осуждены на два года, как лжесвидетельствовавший под присягой. А?

Жюри хранило молчание, Кросби был восхищен. Он уже догадывался, чем это должно закончиться.

Офицер Гарсиа, играющий роль подозреваемого, хорошо знающий офицера Франка, вовремя сообразил, что перед ним не пустышка, которому поставят семь баллов за одни только правильные вопросы, а *толковый игрок*. Одно только понимание, что ему брошен вызов, переключило сознание Франка на серьезный лад.

– Ладно, ваша взяла. Вы правы, я и Франк были с Полли и Стефанией. Я тоже не помню фамилию последней. Кажется, мы заплатили им по двадцать долларов.

– Франк уверяет, что вы отсчитали Полли пятьдесят. За что? Уж не за молчание ли относительно того, что отлуча-

лись на пару-тройку часов в Манхэттен? Или за безмолвие ее брата, страдающего болезнью Дауна и видевшего, как вы удаляетесь с девочками? Франк утверждает, что мальчик любит рядиться в форму полицейского и хочет им стать. Я не знаю, почему Франк решил, что ее брат болен этим заболеванием, однако у него, видимо, есть на то основания... Как, кстати, – я позабыл – фамилия этой Полли?..

И члены жюри заметили, что Чески нажимает под столом переключатель звука, дающий возможность слышать текущий разговор «подозреваемому» в соседней комнате.

– ...Брандт, – повторил Гарсиа забитую в свою оперативную память сыщика фамилию упомянутой девушки. Если бы он знал, что эту фамилию носит замужняя сестра коллеги по участку, у которой Гарсиа вместе с Франком не раз бывали дома, вряд ли он был бы так откровенен. – Торри Брандт. Что касается пятидесяти долларов... Она стоила пятидесяти баксов, о, да... минет в ее исполнении прекрасен. Я бывал у нее... да, правильно, около десяти раз, и другой проститутки мне, знаете ли, не нужно... Что же касается ее брата, дебила... Он подсматривает в замочную скважину, как трудится его сестра, и, признаться, это немного отвлекает от процесса. Если бы я не знал этого придурковатого малого, то, пожалуй, навсегда бы лишился эрекции. Когда я впервые бывал у Торри, этот урод вскочил в спальню со слюнявым ртом, полицейским значком на груди и криком «Арест, арест». Знаете, это несколько напрягает...

Члены жюри наблюдали уже не за разговором Чески с Гарсиа, а за мебелью в «комнате для допросов» Франка.

«Ты думаешь, я тебя не слышу, fucking dog!.. – И стул, запущенный в стену, легко разделился на ножки и спинку. – Грязная лживая тварь!.. Твоя мама понесла от пьяного мексиканца, паскуда!.. Торри пекла тебе кексы. Мразь!.. Она наливала тебе чай... Мать вашу, когда вы успели перехлестнуться, и зачем ты это рассказываешь здесь, сволочь?! Господи, Дэн знает ли?! Это у тебя слюнявый рот, поддельный коп!.. Это ты всегда бежишь ссать, когда нужно идти на задержание!..» – И стол, разломанный сильной рукой, развалился на четыре части.

Франк ломился в запертую дверь. Гарсиа продолжал рассказывать об искусстве Торри, решительным образом осозная, что уводит детектива сладким подробным повествованием от главной темы и тем играет на руку общей с Франком идее.

«Заткни свой вонючий рот, мерзавец!.. Из него всегда несет кариесом и чесноком!.. Ты дрочишь в туалете участка по ночам, а в это время Дик Хартон пашет твою безгрудую Жаклин!.. Сучий сын, по субботам, вместо того чтобы идти в церковь, ты посещаешь психоаналитика! У тебя проблемы с мочеиспусканием, и это мешает тебе общаться с Богом!..»

Когда Генри Чески с равнодушным лицом вошел в кабинет с разрушенной мебелью и буркнул: «Так вы по-прежнему настаиваете, что незнакомы с Антонио Гарсиа?» – лейте-

нант Кросби понял, что без Чески в свой участок не уедет.

Чески не любили, Чески платил тем же. Единственное, что оставалось у него в жизни, лишенной женщин и детей, это его старики и работа.

И сейчас этот человек входил в сопровождении двух офицеров полиции в кабинет советника «Хэммет Старс», расположенный на тридцать третьем этаже дома на 10-й авеню.

Глава 5

Секреты Нью-Йорка

Сняв в лифте под тревожными взглядами разномастных леди и джентльменов разодранный пиджак, Мартенсон приобнял девушку и вышел с ней на первом этаже так, как выходят собравшиеся на ланч менеджер среднего звена с любовницей из делопроизводителей.

– Мне ничему не удивляться?

– Вот именно, – подтвердил Мартынов.

Пройдя через холл и подмигнув приятелю Джорджу, он вывел Сандру на улицу, и первое, что она сделала, пока он стремительно приближался к стоящему у обочины «Бьюику», посмотрела вверх. Распахнутое окно на тридцать третьем этаже находилось так высоко, что Сандра невольно покачнулась.

Взявшись за виски пальцами, она послушно добралась до «Бьюика» и увидела картину, которая ее, впрочем, не удивила.

Мистер Мартенсон сидел рядом с водителем, чьи волосы были заплетены в тугие толстые косички. И было непонятно, отчего они так торчали: оттого ли, что хозяин не мыл их около полугода, или от прислоненного к виску пистолета. Пистолет, как уже поняла Сандра, был водительский. Своего мистер Мартенсон не имел.

– Малыш, садись на место этого чебурашки, – произнес смешную непонятную фразу мистер Мартенсон.

Едва она приоткрыла водительскую дверь, грузный шофер с перстнями, коим позавидовал бы сам Оззи Осборн, вывалился наружу. При этом он издал какой-то крик и, уткнувшись в расплавленный асфальт 10-й авеню, сделал вид, что устал.

– Он жив? – поинтересовалась она, включая передачу и разглядывая, как ее спутник вытирает салфеткой рукоять пистолета, похожего на бластер.

– Ты не скажешь мне, мисс, почему чем темнее житель Нью-Йорка, тем больше у него пистолет?

– Мнительность, – сказала она и резко выехала на авеню. – Я, вообще-то, совсем забыла спросить, куда мы следуем и что мне теперь делать... Все некогда было.

Мартынов почесал пальцем ухо и поморщился. Вопрос хороший, да вот ответ на него найдешь не сразу.

– Тебе честно ответить или таким образом, чтобы у тебя оставалась хотя бы крошечная надежда на возвращение домой, на работу, на продолжение беспечного существования?..

– Понятно... – Сандра вывернула на 14-ю стрит и внимательно посмотрела на Мартынова. – Послушайте, раз уж так получается, что благодаря вашему возвращению на службу из отпуска я потеряла все, включая надежду на беспечное существование, тогда восстановите справедливость и объяс-

ните глупой девушке, что ей делать дальше, и... кто ты, черт возьми, такой!

– Справедливо, – кивнул Мартенсон. – Но сначала мы доедем до Бруклинского моста и свернем вниз. Там есть хороший закуток, я там дрался за деньги первые два месяца. Ни полиции, ни порядочных американских граждан, ни Малкольма, никого.

– Странно это как-то все получается, – адресуясь к рулю, пробормотала девушка. – Этот день непохож на другие. Сначала в офис пришел незнакомый мне мистер, который стал пинать ногой мой стул, потом он заставил меня вымыть в его кабинете пол. Затем засунул в шкаф, а после того как вдоволь настрелялся, выпрыгнул со мной на руках из окна тридцать третьего этажа. И сейчас он везет меня под Бруклинский мост, хотя любому нормальному американцу известно, что там ни одного нормального американца не найти. При этом мистер не пьян, не под наркотиком, и есть подозрение, что у него все в порядке с головой.

– Ну, под мост-то, допустим, ты меня везешь, а не я тебя, – найдя слабое звено для возражений, буркнул Мартынов, вынимая из кармана трубку, переданную ему обмочившимся гангстером. – А что до остального... Считай, что ты провела привычный день в обычной русской семье...

– В какой семье?!

– Алло? – Откинувшись на спинку, Мартенсон закрыл глаза и прислушался к знакомому голосу. – Нет, это не Брон-

ко, мистер Малкольм... И не Луис. Узнали?..

Мартынов рассмеялся, посмотрел на трубку и снова нажал на кнопку вызова.

– Нервничает, – объяснил он смотревшей на него широко распахнутыми глазами Сандре. – Алло? Мистер Малкольм! Бросьте нервничать, все нормально! Это не галлюцинации. – Прикрыв трубку рукой, Мартынов пояснил: – Совсем плох стал старик, руки дрожат. – И в трубку: – Я вам еще три года назад говорил – хотите испортить дело, пошлите его делать Бронко с его насекомыми. Я, собственно, что звоню-то... Подробно мы с вами поговорим чуть позже, сейчас же хочу кое о чем предупредить. Ваши люди вели меня от самого аэропорта, и они, конечно, видели, что я прилетел не один, а с женщиной. И они, конечно, знают, что женщина в отеле «Хилтон». Так вот, она вне игры. Она даже не знает, куда я подался. Посему считаю необходимым предупредить вас: если на пороге ее номера по любой причине появятся посланные вами люди, произойдет следующее... – он прикрыл трубку рукой, сказал ей – Сандра, следи за дорогой, ради бога, мы сейчас вылетим с Warren Street и начнем сбивать деревья в Сити-Холл парке!.. – И продолжил беседу: – Так вот, Стив Малкольм! Как только женщину потревожат, тотчас в путь отправятся два письма. Первое будет адресовано окружному прокурору, второе – в ФБР. Начинайте загибать пальцы, я принимаюсь перечислять десятую часть того, что в этих письмах указано... Убийство менеджеров из Chicago

City Grand, убийство журналиста Грегори Анклмен из New York Echo, убийство судебного исполнителя Марка Стива. В письме указаны места их захоронения, мотивы и время убийства. Подкуп сенатора от штата Иллинойс Джеймса Паркера – загибайте второй палец... Налоговые махинации на сумму около двадцати миллионов долларов – средний палец прижмите, он торчит у вас, как вызов! Дальше продолжать? Всего пятнадцать пунктов.

Сандра сидела, слушала, и волосы на ее голове шевелились от ужаса... Недоступный для простых смертных, могущественный, жестокий Стив Малкольм разговаривал сейчас с неизвестным ей мистером и, кажется, не собирался бросать трубку... Опять же, женщина какая-то... Сандра посмотрела в лицо Мартынова и только сейчас нашла его симпатичным. Он должен нравиться женщинам. И, кажется, он знает, что нужно делать, чтобы их очаровать. Интересно, что за женщина? Кажется, она не пустое для него место...

– Вот, – удовлетворенно качнулся в кресле Мартенсон, – это другое дело... Такой разговор мне нравится. Мои позиции столь сильны, мистер Малкольм, а ваш зять столь болтлив и глуп при этом, что сейчас вы подумываете о том, что лучше уж распрощаться с десятью миллионами долларов, которые присвоил русский парень Мартынов, чем оказаться на виду у агентов ФБР и прессы. И вы уже обдумываете вариант, как бы меня прирезать. Должен вас разочаровать! Письма отправятся в путь и в том случае, если неприятности

по вашей милости начнутся у меня. Я не успел вас предупредить до прихода Бронко и его недоумков, поэтому будем считать, что ничего и не было. Вам остается лишь разрулить вопрос с полицией в офисе. Там слишком грязно и пахнет сырым мясом... Через пару часов, когда я успокоюсь после разговора, позвоню, и мы решим, что делать дальше...

Отключив связь, Мартенсон улыбнулся Сандре и убрал телефон в карман пиджака. Покосившись на него, Сандра сглотнула.

– Русский парень?

– Ага.

– А женщина?

– Тоже русская.

– Ты любишь ее?

– Пока еще не понял. Остановись у этой тележки, я куплю хот-догов и колы. В этой долбанной Америке нет ни пирожков с рисом, ни беляшей, ни мантов на картонной тарелке.

Прислонившись к горячей машине, они старательно пережевывали сосиски и делали вид, что давно знакомы.

– А ты не хочешь ей позвонить, сообщить, что все в порядке? – проглотив, спросила Сандра. Не найдя чем вытереть руки, она наклонилась в окно двери так, что сразу несколько человек получили возможность полюбоваться ее безупречно идеальными ногами.

Он не хотел. Через две минуты он мог упасть с дыркой в голове, и почему-то считал невозможным сообщать перед

этим Маше, что все в порядке. Приняв от девушки пару салфеток, он использовал их и бросил на тротуар.

– Что такое belyashi?

– Это запечатанные со всех сторон сэндвичи с фаршем из кошачьего мяса внутри.

Ладно, ладно, поехали, – смилостивился он через секунду, отрицая своей улыбкой сам факт жестокого обращения с животными этого семейства.

Я бы мог сказать тебе, что со мной опасно, что я привлекаю к себе смерть... Что там еще говорят в ваших фильмах Уилл Смит и Брюс Уиллис? Но вместо этой бредятины я тебе сообщу вот что, милая моя: если ты отдались от меня теперь хоть на шаг, ты окажешься там же, где сейчас находится секретарша Малкольма Тереза, работавшая в «Хэммет Старс» до Сондры.

– А... где она находится, Тереза?

– Я так полагаю, что как раз между Бруклинским и Манхэттенским мостом, с гирей на ногах. Мистер Малкольм не очень-то привечает у себя умных секретарш. Поскольку они в какой-то степени являются носителями некоторых секретов, то, по надобности, от них избавляются, не очень-то при этом фантазируя. Дай-ка я угадаю... ты приехала издалека, родственников у тебя в Нью-Йорке, равно как и в остальных сорока девяти штатах, нет. Тебе некому послать открытку с поздравлениями к Рождеству, и тебе их никто не посылает. А?

Сандра почувствовала, как у нее забурлило в желудке. Была ли тому причиной сосиска с капустой на голодный желудок, или это случилось после получения информации от мистера Мартенсона, да только Сандра вдруг вспомнила, что выиграла конкурс на это золотое место в «Хэммет Старс», оказавшись лучше сорока пяти конкуренток. И что среди вопросов, которые ей были заданы на собеседовании, звучали преимущественно: «У кого вы собираетесь жить?», «С кем из родственников вы поддерживаете наиболее теплые отношения?» И на вопросы эти она отвечала легко, потому что у нее нет никого, кто бы заботился о ней... Но ей никто не задал вопроса о том, кто из родственников у нее в живых и где они живут.

– Я расскажу, как провалились остальные претендентки на твое место, девочка, – пообещал Мартынов. – Их всех попросили ответить на вопрос, чем занимались их предки и чем занимаются их родственники сейчас. Они отвечали: «Мой дедушка был пиратом Карибского моря, а бабушка – продавщицей мороженого, моя мама сейчас работает в Стейт-Айленде швеей...», и в этот момент их перебивали и говорили: «Очень, очень жаль, что ваш дедушка был пиратом Карибского моря. Это может негативно сказаться на имидже компании. Вы не приняты».

Мартынов посмотрел на небо. Ни тучки. Проклятая жара давила его, и он чувствовал поднимающееся давление. Ошеломленная Сандра стояла рядом и внимала каждому его же-

сту и слову.

– А где Сондра, малыш?

– Я не знаю, – проговорила Сондра и вдруг, похолодев, дернула рукой. Ей хотелось схватить Мартынова за ладонь, но она вовремя спохватилась. – Мне рассказывала одна служащая компании, как однажды в офис пришли полицейские и несколько минут разговаривали с Сондрой... А потом прошел слух, что Сондра ходила в участок по повестке, и Малкольм узнал об этом лишь спустя неделю...

– С Лорой болтала? – усмехнулся Мартенсон. – Ей можно верить. Но когда-нибудь Малкольм зашьет рот и ей. Однако мы тут стоим, как тополи на Плющихе, а между тем самое безопасное место для таких опасных для общества людей, как мы, под Бруклинским мостом. Сейчас съедешь с Фултон-стрит на South Street и сама увидишь, где остановиться...

Она прикрыла лицо рукой и покачала головой.

– Что-то я не могу вести машину... И что такое Plyushikha?

Забрав из ее ослабевшей руки ключи с брелоком в виде амулета вуду – быть может, это и был амулет вуду, – Мартынов усадил испуганную девушку в машину и захлопнул дверь. Уже в машине, включая зажигание, объяснил:

– Гарлем знаешь? Вот это и есть Плющиха. Только в Москве.

Глава 6

Все имеют право хранить молчание

Пройдясь по кровавым пятнам на полу кабинета, Чески пожевал сигару и, ни к кому не обращаясь, просипел:

– В жизни не видел столько дерьма на один квадратный ярд площади.

Наклонившись с авторучкой в руке, он зацепил ею оранжево-зелено-синий вязаный берет Бронко и выпрямился с ним, как кран.

– Не иначе, из коллекции старушки Вивьен Иствуд. Эта обезумевшая кутюрье обожает подобные фенечки.

Следовавший за ним по пятам молодой напарник что-то чиркал в блокноте, и оба они ожидали появления охранников, дежуривших в момент бойни в холле этажа. Когда те явились, Чески мгновенно сообразил, с кого нужно начинать ему, а кого отдать напарнику.

– Вот вы, да, вы... Подойдите ко мне. Кеннет Мосли... хорошо... Детектив Хаузер, займитесь вторым мистером, – деликатно взяв за локоток помертвевшего от ужаса Кеннета, Чески вывел его из окутанного смогом кабинета, который не смог проветриться даже при настезь распахнутом окне, и повел по коридору.

Их разговор продолжался всего пять минут. Ровно столько хватило Чески для того, чтобы отнести «Хэммет Старс» к

категории компаний, до которых еще не добрались ни руки полиции, ни руки ФБР. Бред допрашиваемого относительно пропажи у него револьвера «кольта» казался ему несостоятельным, но при этом щедушный тип, пахнувший дешевым дезодорантом, совершенно не напоминал хладнокровного убийцу, выпустившего две пули в одного гангстера, а потом три в другого.

– Мистер Мосли, попробуйте вынуть у меня из кобуры мой «бульдог», – попросил Чески. – Интересно, почувствую я его отсутствие или нет?

Кеннет сам не понимал, как могло случиться такое, что его обнесли, да еще и в присутствии посторонних лиц.

– А эта Сандра, – пробурчал Чески, – быть может, вы видели ее с Мартенсоном раньше?

Вернувшись в кабинет, Чески лениво наблюдал, как криминалисты занимаются телами, осмотрел еще раз помещение, теперь уже более внимательно, изучил в потолке следы от рикошета пуль, хмыкнул и направился к окну. Некоторое время он молча любовался красотами Манхэттена, а потом вдруг перегнулся через подоконник. Удовлетворенно крикнув, дотянулся до скобы, вбитой в стену под подоконником, и не без труда втащил в кабинет большой стальной цилиндр.

– Это что за хрень?

Один из криминалистов, заинтересовавшись техническим новшеством больше, чем трупом Бронко, приблизился к детективу и принял от него болванку.

– Здесь цифровая шкала, – сказал он, покрутив ее вокруг оси, – а это, вероятно, приспособление для изменения ее величин. Сейчас указатель стоит на отметке 145. Предполагаю, что это показатель давления масла в цилиндре. Но только понять не могу, на что он годен.

Чески выплюнул сигару прямо на пол и обернулся к Кеннету:

– Какой, приблизительно, вес мистера Мартенсона?

– Я думаю, – Кеннет покрутил воспаленными глазами яблоками, – не менее трехсот шестидесяти фунтов...

– А секретутки вашего босса?

Произведя в голове кое-какие расчеты после ответа, он хмыкнул и посмотрел на криминалиста ироническим взглядом.

– Вам бы такое давление масла в голове, Карстон. С помощью этой болванки хозяин кабинета вместе с секретаршей спустился вниз. А перед этим, чтобы не прилипнуть к мостовой, выставил сумму их веса на шкале в килограммах.

– Я слышал о таких устройствах, – донесся с пола голос второго криминалиста, оценивающего на теле второго гангстера характер ранений. – Их придумали русские для эвакуации жителей из горящих высотных зданий... Правда, нам на стажировке в Далласе показывали устройство меньшее размером.

Забыв, что сигары нет, Чески пожевал губами, вынул из кармана жестянку с леденцами и стал слушать напарника, у

которого уже была своя версия случившегося.

– Было так, – говорил тридцатилетний детектив Сомерсет МакКуин. – Мартенсон находился в сговоре с секретаршей. Они решали какие-то вопросы в кабинете, но в это время в офис пожаловали латиносы. Видимо, у них были какие-то общие дела с Мартенсоном, либо, напротив, никаких дел не было, а была личная вражда. В ходе разборок Мартенсон застрелил двоих латиносов, но, когда увидел приближение подмоги, решил бежать. Для этого он использовал приспособление. Вместе с девушкой он спустился по наружной стене.

Чески предупреждал лейтенанта Кросби, что МакКуина нужно использовать либо для регулировки дорожного движения, либо на разборке бумаг. В участке он появился за три дня до убийства в «Хэммет Старс» и был сразу прикреплен к Чески в качестве напарника. Как детектив он был столь же беспомощен, сколь беспомощен выбравшийся тайком из дома пятилетний малыш. Однако Сомерсету МакКуину, племяннику сенатора МакКуина, была открыта дорога в большое будущее. Работу в участке он рассматривал как завершающую часть трамплина, с которого можно сигануть к сверкающим высотам. Так, во всяком случае, думали за него родственники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.